

отличались слишком прямолинейно-верноподданическим характером), чем объясняется и крайняя скупость ее рассказов о содержании «главного» романа, сводящихся в сущности только к моментам личной жизни героев. А не мог ли и сам Суворин, который рассказывает о встрече с Достоевским не в порядке дневниковой записи, а по памяти и лишь 20 или даже более лет спустя⁹, вообще что-то позабыть, перепутать; наконец, может быть, даже в порядке некоей литературной мистификации попросту придумать свой рассказ? Правда, этот последний случай, пожалуй, наименее правдоподобен, хотя бы уже потому, что сама парадоксальность столь крутого поворота жизненного пути Алеши едва ли могла прийти в голову кому-либо иному, кроме Достоевского. Но память изменить Суворину в чем-то, конечно, могла.

Выход из лабиринта этих и подобных вопросов может быть достигнут только все на том же, уже давшем положительный результат, пути: проверить достоверность суворинского свидетельства повторным обращением к первому роману дилогии — «Братьям Карамазовым», необходимому, как подчеркивал сам писатель, для понимания главного романа, а значит, в какой-то мере и заключающему в себе подготовку его.

Начну снова с авторского предисловия. Как я уже говорил, оно явно свидетельствует, что к началу работы над первым романом писатель уже держал в сознании общий план дилогии. Но о главном герое, его личности, «фактах его жизни» здесь говорит он с нарочитой неопределенностью. Для самого автора он — лицо «примечательное», но иным может показаться не заслуживающим никакого внимания: «Он, пожалуй, и деятель, но деятель неопределенный, не выяснившийся. Впрочем, — тут же добавляет автор, — странно бы требовать в такое время, как наше, от людей ясности». Однако герой не только несет на себе печать современности. Автор уклончиво и все же дает понять, что, именно выбранный им герой, будучи «человеком странным, даже чудаком», «частностью, обособлением», как раз и является наиболее исторически выразительным представителем современной поры — «героем» времени, ибо «он-то, пожалуй, и носит в себе... сердцевицу целого, а остальные люди его эпохи — все каким-нибудь напывным ветром на время почему-то от него оторвались...». Среди этих неопределенностей тем более обращает на себя внимание, что период деятельности героя, которая и должна составлять главную тему второго романа, указывается с подчеркнутой точностью. Герой действует не просто «в наше время», а в историческое «сегодня», значит именно в тот «момент», когда автор пишет свой первый роман и встречается с Суворинным, — в годы почти предельного накала героически неравной и героически настойчивой революционной борьбы, преимущественно народников (и чаще всего одиночек), с царским правительством, и прежде всего с самим российским самодержцем (взрыв в Зимнем дворце — шестое, начиная с 1863 г. звено в цепи «политических преступлений» — «злоумышлений», «посягательств и непосредственных покушений на жизнь царя») ¹⁰. Деятелем этого-то «момента» и должен был стать Алексей Федорович Карамазов.

На что и против кого будет направлена его деятельность, оставляется пока автором своего рода уравнением с двумя неизвестными. Однако в этом неведении читатели остаются недолго. Сразу же за кратким предисловием следует пространный тоже «предисловный рассказ» об «Истории одной семейки» — Федоре Павловне Карамазове и его сыновьях. Особенно обстоятельно останавливается в нем автор на младшем из них — Алеше (о нем говорится в конце главы «Второй брак и вторые дети», полностью ему же посвящена следующая отдельная глава, его именем и названная, и начало идущей за ней главы «Старцы»). Теперь становится понятным и опре-

⁹ Роскина Н. Указ. соч., стр. 253.

¹⁰ «Государственные преступления в России в XIX в.». Под ред. Базилевского (В. Богучарского), т. I, СПб., 1906.